

Я сам — и музыка, и текст

Солист оперной труппы Алексей Пьянков стал одним из трех героев документального фильма «Неоклассика: жить искусством». В интервью рассказал, откуда появилась любовь к музыке, как менялись вкусы и как ощущают мир люди творческой профессии.

Автор: Ярослав Бабкин,
кадры из к/ф «Неоклассика: жить искусством»

— Алексей, расскажите, как давно связаны с музыкой?

— Всё детство состоит из картинок, мимолётных каких-то. Конечно, они со временем создали определённую мозаику, которая сейчас меня ведёт по жизни. Моя мама педагог по фортепиано, папа — филолог. Музыка и текст в нашей семье переплетаются. Это связывает всех нас до сих пор.

Музыка и текст в нашей семье переплетаются.

В детстве у нас были разные семейные перформансы, мюзиклы. Записывали и ставили сами: мама отвечала, как композитор, за музыку, папа — за текст. Костюмы делали из разного тряпья, старых шляп. Таким образом, я со всех сторон развивался.

В 5 лет я поступил в музыкальную школу по классу фортепиано. Маленький город Каменск-Уральский, мы жили не в центре города, а на окраине — в посёлке Ленинский. Там есть небольшая музыкальная школа. Это был мой дом, можно сказать. Вообще она была для меня главнее, чем, например, общеобразовательная. Становился лауреатом разных конкурсов по фортепиано. Когда ездил в Екатеринбург к профессорам, говорили, что у меня хорошая техника: пианист из меня получится отличный.

— Всегда ли вас интересовало классическое направление музыки?

— Нет. Естественно, увлекал-

ся разными молодёжными течениями, как и все. Например, рок-музыкой, потому что она с детства меня окружала. Когда услышал впервые Виктора Цоя, Кипелова, особенно Кипелова... Деревня. Я слышу через забор у соседа, как играет какая-то песня... В голове мысли: «А разве так можно было? Обалдеть, какая моща! Как классно поёт». И всё — я начал также петь, стараться писать подобную музыку. У меня было очень много групп: сначала была школьная, называлась периферия, потом постепенно мы росли, росли, росли. Переключился на фольклорную тематику. Однако всё это закончилось, потому что я поступил в колледж.

В 17 лет я вернулся к классике. Наверное, с ней не расставался, просто на какое-то время, так скажем, отлучился. Я понял, что есть музыка, которую я понимаю: музыка популярная или любая современная музыка... Я её понимаю, я знаю, из чего она состоит, я могу её сделать точно также, по крупитцам её воссоздать. Но есть классическая музыка, которую невозможно воссоздать, сколько бы ты не пытался. Это настолько космос, что непонятно, как это сделано. Это безграничное пространство, его можно изучать всю жизнь.

— А как попали в Челябинский театр оперы и балета имени М. И. Глинки?

— В какой-то момент решил, что я обязательно должен попасть в оперный театр. Выбрал челябинский и не пожалел вообще ни на йоту. Я поступил сюда с большим набором замечательных молодых талантливых пев-

цов, большинство из которых знал, потому что они также окончили Уральскую консерваторию. Совершенно своя компания, здесь атмосфера тепличная, очень домашняя: поддержка, плечо мы чувствуем друг друга. Я никогда до этого не был в Челябинском театре, и, когда я увидел это всё изнутри, понял, что это моё, это родное.

— Вы солист оперного жанра. Что кажется трудным?

— Опера — это жанр, который требует определённых затрат. И эти затраты действительно колоссальны: это смесь всех искусств сразу. Во-первых, вокальное искусство, во-вторых, инструментальное, художественное, даже балет иногда подключается в оперу.

Опера — смесь всех искусств сразу

Например, я пою «Балл-маскарад» Риккардо — это огромное полотно, где нужно уметь распределяться. Наверное, сравню это с бегом на длинные дистанции: ты должен понять, где тебе ускориться, где тебе побережь силы, какой участок как бы можно продышаться и так далее. Тоже самое опера, это отчасти спорт: постоянно выходишь со сцены, выжимаешь рубашку. Бывает, когда ты проживаешь жизнь настолько глубоко, что не можешь заснуть ещё полночи. А иногда бывает легко: легко засыпаешь, приходишь в прекрасном расположении духа, даже если это драматическая сложная партия, где тебя убивают.

Если ты человек очень чуткий, то ты впитываешь любые детали этого мира и пытаешься найти

в них вдохновение, ну и, естественно, книжки. У меня папа поэт, он меня научил понимать поэзию, суть слова.

— Какое произведение в репертуаре любимое?

— Моя настольная книга — это «Евгений Онегин»: именно в ней ты черпаешь классичность поэзии, кристальность её, чистоту. В этой простоте — самое сложное, потому что простыми словами рассказать о сложном надо уметь.

— Если не творчество, то что?

— У меня не возникало ни на секунду в своей жизни мысли, что я выбрал неправильный путь и что-то делаю не так. Творчество — это моё призвание. Когда-то на уроках сольфеджио педагог говорила: «А вы можете нарисовать цвета звуков, цвета нот?» И все говорили цвета примерно одинаковые, а у меня всегда были совершенно противоположные. Я по-другому представлял музыку, слышал какие-то образы, которые были мне одному понятны или только я их замечал.

— Насколько знаю, вы преподаете. Поделитесь опытом.

— У меня был опыт большой, когда совмещал школу и 7–8 уроков в день. Это очень мешает самому развиваться. Нужно набрать и все силы направить сначала в свою профессию, а потом уже делиться этим. А я очень сильно расплёскивался.

У меня есть ученики, только которым действительно это нужно, которые добиваются результатов. Нужно понимать специфику подопечного, его психофи-

зику: всё зависит от воспитания, неудачного опыта и так далее. Приходится убирать эти зажимы, понимать изнутри, что он делает не так, и пытаться ему помочь, причём без давления, именно с тем посылом, который нужен ему именно в этот момент.

— Какой челябинский зритель театра сегодня?

— Могу сказать: люди не меняются вообще, во все времена как оставались такими, так и всегда будут. Просто меняется окружение, медийное пространство, но сама человеческая суть та же.

Мне очень отрадно видеть на спектаклях молодёжь, которая потом аплодирует стоя, их глаза. Театр стал модным. Сейчас поколение ходит в театр. И оно, естественно, взрастит очень умных и интересных детей.

Искусство учит через боль, через страдания героев

— Какой образ у искусства, на ваш взгляд?

— Вдруг из ниоткуда в темноте сожглась лампа, запел голос, и это всё невозможно потрогать, это можно только осязать. Люди в этом осязании, этом ощущении, пропитываются и становятся лучше, мечтают менять жизнь вокруг. А что вот для меня искусство? Путь, который развивает, в том числе всё вокруг, в том числе и молодёжь, путь государства нашего. Искусство учит через боль, через страдания героев. Учит лучшему, хорошему.

